

Даниил Зимин

Новый путь

Тогда последняя звезда
 Вдаль вместе с солнцем провалилась.
 Повсюду мрак, повсюду тьма,
 Везде разруха и немилость.

А после долгих, страшных битв,
 И после горя, после плача,
 Ночей слезящихся молитв
 И упования на удачу,

Когда замерзла кровь врага
 На острие меча стального,
 И крик победы навсегда
 Застыл среди зарева пустого,

И не осталось ничего,
 Земля пуста и небо пусто,
 Все – лишь скупое небытие,
 Пропитанное смрадом грусти,

Останется одна дорога –
 Лицо к восходу повернуть,
 Глотнуть ту пустоту немного
 И тронуть землю в новый путь.

* * *

А ты беги сюда широкими шагами
 От мутных городов к туманам и лесам,
 Откройся под листвою, под серыми горами,
 У русских деревень, у древности дорог.

И мягкий лунный свет тебе споет на ухо,
 Что знает про добро, про дружбу и любовь.
 А у лесных озер найти ты сможешь имя
 Не в рифму и без ритма. Не чье–то, а свое.

Вернувшийся домой не знает больше счастья,
 Чем путь пройдя сполна, увидеть край родной.
 Войдя через порог, забыть про все ненастья,
 И отдохнуть немного под сенью тишины.

Дождь

Сонет

Да! Радуйся! Застав меня врасплох,
 Ты мечешь молнии от неба и до края,
 Лицо мне каплями своими заливая.
 А я устал, продрог, теперь еще промок.

Да! Радуйся! Меня насытить смог,
 Глаза и горло до конца залиты,
 Ты забросал водой мои ланиты,
 Ты не щадишь меня, весенних дней пророк.

Да! Радуйся! Потерян среди дорог,
 Запутался в клубке. Теперь и ты
 С меня все смыл надежды и мечты.
 Когда мне возвращаться? Знает Бог.

Дождь, пыль... Идти, не угасать...
 Ведь я вернусь?.. Осталось вопрошать.

А вокруг темным темно,

А вокруг темным темно.
А вокруг одни значки.
Темным снегом замело
Посеревшие зрачки.

Я с потухшим фонарем,
Потерялся где-то свет.
Как хочу я спеть о том
Чего в тьме наверно нет.

Снова путь без взгляда в даль.
Вновь поникла голова.
Если мне уже не жаль
То судьба опять права.

Серебряный век

За форточкой зима.
За форточкой мягкий свет.
Деревья голые спят.
И снег превратился в плед.

За форточкой асфальт,
Заводы и провода.
Дорога – в прошлом в даль,
Теперь – «оттуда сюда».

И дует в окно, не ветер,
не холод, а слово выход.
Но вертикаль не манит,
Просто еще один выбор.

А я диагонален
Как каждый второй или третий.
Придерживаясь правил
Слышу в окошко ветер.

Игорь Нескажу

И только цвет, нарцисса цвет,
Как лампа, в темноте сияет,
Ведь только он в потоке лет
Поляну ночью озаряет.

* * *

Тот сад прекрасен, спору нет,
Красою сердце покоряет,
А там, в углу, сжирая свет,
На травке мячик загорает.

Антон Пшенов

Порхнула тень с крыши на крышу,
Тихо, бесшумно, но я–то слышу.
Все мои чувства на пределе,
Ведь столько грехов в прыгнувшем теле.

Душа Попрыгунчика дьяволу отдана?
За душу силу дал Сатана?
Возможность прыгать на десять метров
Дышать огнем, пугать даже мэтров.

Или же Джек сатана и есть?
Пришел на Землю души есть?

Дмитрий Кузнецов**Весеннее**

Примыканье губ, умножение век,
 Плоский мир и танцующие города,
 Вычитание тел и смыкание рек
 Одним ярким законченным словом ВЕСНА!

Точки нет в настроении силы огня,
 Полыхает из искры возникший фонтан,
 Дождь смывает границы тебя и меня,
 Как с Весны потускневший смолистый кафтан.

Перекрестки ночей, перекрестки пути,
 И деление скул, и проценты в лед,
 Я не держу тебя, можешь уйти,
 Я пишу стихи и иду вперед!

Честер

Честер – милый и пряный,
 Как головка хорошего сыра,
 Летаешь с бумажными птицами,
 Живешь ароматом мира.

Поднявшись на арку с часами,
 Обернувшись парящей птицей,
 Подставив свое лицо ветру,
 Услышишь себя частицей.

Скаты, балконы, дома, аллеи...
 Помнят время. И то, что было пораньше...
 И моргнут на прощание свечи из окон.
 Улыбается кот. А Алисе все страньше и страньше...

Ресторан

Тонкие нотки арабской музыки,
 Вплетаются в шум ресторана,
 А в Аравии старик у окошка,
 Смотрит на солнце,
 И ходят верблюды, и бегают дети,
 А он смотрит и ждет.
 Жена принесет его кофе,
 И кончится день.

Лондон

Многогранный радужный Лондон.
 Дворцы, парки, мосты, заборы...
 Пабы, как норы.
 Тающий на языке Рондо.
 Молния, разрезающая провода,
 Кофе, разлитое на облаках,
 Чья–то всклокоченная борода,
 Сумрачный ветер в пустых городах.
 Спящий старик с деревянной ногой,
 Мачты залатанного корабля,
 Забывшая про движение Земля,
 Выстрел, направленный на убой.
 Рай бедняка, моряка и солдата,
 Золотые часы, костяной механизм.
 На перекрестке автобусных призм,
 Брат, убивающий брата.
 Изгородь из темнеющих туч
 Ты воздвиг, многовековый барон,
 Темный и терпкий, горяч и тягуч,
 На тебя опускается сон.
 Сдвинулись облачные мосты,
 Но твое сердце не стерпит урон,
 Среди холодеющих, черных ворон
 Стоишь ТЫ!

Англия

Из красных будок,
Двухэтажных автобусов,
Готов и Фобоса,
Органных трубок.
Сырых сэндвичей,
Людей и увечий,
Овсянки и Тауэра,
Выстрела „маузера”.
Шотландского виски
И шотландского горца.
Солнца.

Свеча

Свеча погасла. Глупый натюрморт.
Смешно и страшно. Потому нелепо.
Одна улыбка, среди раскисших морд
Одна надежда, потому, что слепо.

Ночной пожар. Лишь это было свято.
Пишу давно и потому темно.
Свеча погасла?! Замолчи, проклятый!
Смешно и страшно, потому тепло!

ХОККУ

Ваня Гладиборода

Юная сакура.
Навстречу мне лист летит.
Цикада вдалеке.

Женя Кондрашин

Черемухи куст расцвел.
Сквозь мокрое стекло
Смотрю я на него.

Борислав Неупокоев

Свечи зажглись.
Дитя тут же уснуло.
Ветер свечу задул.

Михаил Фролов

Орел пролетел
Над вишней цветущей.
Ночь наступает.

Виктор Федотов

Меч самурая
В мягкую землю вошел –
Памятник вечный.

Виллос Бруздейлинас

Листок на ветру.
Сломала лапку цикада.
Держится за лист.

Даниил Зимин

Ночь и фонарь,
Звезды, дождь и ограда.
Но открыты ворота.

Саша Соколов

Под крышей дома
Сидит птица.
Осенний дождь.

Игорь Нескажу

На небе луч.
Солнце еще не встало –
Петуха крики.

Дмитрий Клименков

Стебли бамбука
Гнутся под хлопьями снега.
Солнца закат.

Дмитрий Клименков
Слепой кошмар

Я открыл глаза, меня била дрожь. Судя по прилипшему к потному телу одеялу, мне опять приснился кошмар. Я его не помню. Ночь, пустота. Лихорадочно циркулирующий мозг в поисках воспоминаний стал отдавать болью в висок. Я потихоньку приподнялся с кровати.

Вдруг в комнату зашла мама.

– Вставай, сынок, а то мы можем опоздать. – Она ничуть не обрадовала меня, так как я сегодня мог опоздать только к психиатру.

Мама слишком сильно беспокоилась, что мне по ночам снятся кошмары, и к тому же я их не помню.

Мама, видя мое ужасное настроение, приготовила мне мою любимую яичницу. Но настроение мое не улучшилось. И вот мы уже едем в душном трамвае № 666. Я сидел у окна, а рядом со мной сопел какой-то дедок, из сумки которого пахло жареной камбалой.

Со звуком «дзынь–дзынь» мы вошли в пыльное здание по адресу Саперная, 48. Там мы поднялись на четвертый этаж и увидели железную дверь с тремя глазками. Я позвонил в звонок. Никакой реакции. Я позвонил еще раз. Тогда я услышал тяжелое шарканье тапок на твердой подошве и хриплый кашель. Вдруг заскрипели замочные скважины, и я увидел лицо, почему-то очень мне знакомое.

– Пантелеймон Игнатьевич Кушеношвили, – с трудом и запинаясь прочитала по бумажке моя мама.

– Так точно, – ответил он елеинным голосом.

Он посмотрел на меня поверх очков и сказал:

– О, так это вы, так полагаю Юра. Так? – чуть запинаясь, но достаточно четко проговорил он.

– Д–д–да, – неуверенно ответил я.

– Ну тогда проходи, не стесняйся, – предложил он. Он отошел от прохода в трехглазую дверь и зашаркал своими тапками, показывая мне дорогу.

Мы пришли в небольшую комнатку с роялем и классической кушеткой пациента.

– Ложись на кушетку, – сказал он нежным тоном, чтобы эта просьба не была похожа на приказ.

– Итак, мой мальчик, что тебя тревожит? – спросил он как продавец бакалейной.

– Я... – хотел начать фразу я, но вдруг у меня потемнело в глазах, и я то ли заснул, то ли упал в обморок.

Сначала я упал в темноту. Потом стало проясняться. И вот я снова лежу на кушетке у психиатра, но во сне. Я абсолютно четко осознаю, что я сплю.

Пантелеймон почему-то молча встал со стула и пошел за рояль. Потом он стоя стал наигрывать мелодию, похожую на «Танец эльфов» Гайдна. Вдруг на музыкальный лад прогремел гром и прямо под потолком поползли темно-фиолетовые тучи. Раз, молния разбила чашку. Пошел ливень. Я во сне чувствовал тяжелые удары капель по лицу и телу. Вдруг Пантелеймон отошел от рояля, но музыка все равно продолжала звучать. Вдруг от вспышки молнии озарилось его лицо в полумраке. И у меня как будто в голове все озарилось. Вот почему мне при встрече показалось очень знакомым лицо Пантелеймона. Он, он и есть мой кошмар. Когда я докричал сквозь грозу последние слова... Я проснулся.

Я открыл глаза и осмотрелся. На мне висела мокрая от грозы одежда. Надо мной как будто чьими-то руками разгребались тучи. А Пантелеймон закрывал зонтик. Он был абсолютно сухой. То есть Пантелеймон, а не зонтик.

– Как... – но он оборвал меня знаком руки.

Поглаживая свою завитую бородку, он сказал:

– Это дар предвидения. Его нельзя вызвать или заставить. Он зарождался в тебе в виде кошмаров. Ты предвидел нашу встречу. А я открыл тебе ответы на твои вопросы... Удачи тебе, – сказал он на прощанье и закрыл дверь.

Я встретился с мамой, и мы поехали домой на том же 666 трамвае. К тому же он уже не казался мне таким пыльным и запущенным. Я ехал домой, зная, что теперь моя жизнь полностью изменится.

Иван Гладиборода

Запонки дедушки Джона

В этот день, 26 апреля 1980 года, на свет появился малыш, которого назвали Крис. Он рос в Лондоне в семье истинных благородных англичан, которые чтили свои семейные традиции и гордились ими. Так что мальчик с годами тоже становился очень похожим на своих родственников.

Прошло много лет. Крис окончил школу, институт, устроился на высокооплачиваемую работу. На дворе стоял погожий день, дул легкий нежный ветерок. Казалось, что кто-то специально подстроил такую прекрасную погоду, ведь она выпала именно на 26 апреля 2006 года. Да, это был день рождения Криса! Ему исполнилось двадцать шесть лет. Это был человек с уже сформировавшимся характером и своим мнением об этом мире. Особенно это касалось его родины, потому что Крис готов был всегда отстаивать правоту Великой Британии, вне зависимости от того, права она или нет. При этом он является ярким борцом за справедливость, а ограничение в свободе для него равноценно тому, что чувствует человек, которому перекрыли воздух. Крис непременно явится на помощь слабым и нуждающимся в помощи, но некоторая его медлительность и размеренность может заставить вас сомневаться. Однако не беспокойтесь, он придет точно в назначенное время! Ну а когда он примчится, враг не устоит перед его рыцарской силой. Рыцарь Крис немного старомоден, но он не испытывает отвращения к современности. Во всем любит комфорт и естественность. В общении почтителен и вежлив. А ко всему прочему опрятен и аккуратен. Особое отношение у Криса вызывают прекрасные дамы, ради которых он готов пойти на любые лишения и страдания как физические, так и духовные. Жилище сего джентльмена было одной из главных его ценностей, поэтому, когда он возвращался в свое гнездышко, он ласково, будто гладит его, говорил: «Home sweet home» или «Home is where the heart is»

Именно в этот дом сегодня ввалилось множество гостей, среди которых были его родители, приятели по работе, бывшие одноклассники и однокурсники. Всем было очень весело и хорошо! В перерыве между едой и танцами к Крису подошел его отец и вручил то, о чем его сын так долго мечтал. Это были запонки дедушки Джона, которые передаются от отца к сыну, из поколения в поколение. Но Крис ценил эти запонки не только поэтому. Главной ценностью запонок являлось то, что в них было очень удобно и комфортно, а без них белоснежный манжет так и норовит угодить в какой-нибудь соус.

В общем, праздник прошел прекрасно. Крис был счастлив, и это можно было видеть по его открытой, приятной улыбке. Вечеринка подходила к концу. Солнце постепенно заходило за линию горизонта, оставляя свои прощальные лучи на играющих волнах Темзы.

А Крис тем временем лежал в своей кровати, рассматривая запонки, о которых так долго мечтал. Трудный, веселый день, переполненный радостными эмоциями и, как следствие этого, усталость брали верх над именинником, поэтому спустя некоторое время он сладко уснул, уронив на пол свое сокровище.

Сквозь дремоту Крис слышал, что за окном бушует ветер, заставляющий тонко и протяжно скрипеть его форточку, а капли лондонского дождя, как ледяные жидкие пули, со звоном разбивались о поверхность дрожащего стекла. В этой картине было нечто мистическое и неприятное, поэтому человек отвел глаза в сторону и начал пристально вглядываться в глубокую, густую темноту, которая заполняла все пространство под кроватью. Еще один разряд молнии и на полу оказались две блестящие запонки и жадно тянущаяся к ним, чья-то уродливая, рубцеватая четырехпалая рука, покрытая тонкой прозрачной кожей и с сильно выступающими наружу фиолетовыми венами. Она схватила реликвию и мгновенно утонула во тьме.

Как ни странно, на следующее утро наш герой проснулся в не очень хорошем настроении. Он понимал, что видел, как крадут запонки, но по какой-то странной для него причине не мог и, может быть, даже не хотел ничего предпринять. У него оставался только один выход. Нужно было идти в город на поиски святой пары запонок, но его шансы найти их были примерно сопоставимы с вероятностью найти иглу в стоге сена. Однако это не смутило отважного сэра Криса. И вместо того чтобы попусту горевать, он начал собираться на поиски запонок.

Достав из глубины своей кладовой комнаты большую сумку, Крис при помощи служанки начал собирать принадлежности, которые, по его мнению, должны были облегчить длительное путешествие. В список этих вещей входили: две пары парадных брюк (одни синие, а другие серые), прилагающийся к брюкам классический пиджак, несколько пар хлопчатобумажных носков, десять носовых платков с различной вышивкой, три шелковых рубашки, три галстука к ним, шляпа с широкими полями, кепка, вязаная теплая шапочка, несколько белых футболок. Также одна пара шорт (на случай жаркой погоды), черные лакированные ботинки с серебряными вставками, кроссовки, свитер из шотландской шерсти и кожаные перчатки. Все эти вещи были тщательно выглажены и аккуратнейшим образом уложены в

сумку. К этому прилагался запас еды на два дня, чайный сервиз и любимый зонт.

В конце концов, когда закончили сбор вещей, нужно было взгромоздить на сэра Криса тяжелый рюкзак, который достигал в весе примерно восьмидесяти килограммов, и это еще не учитывая того, что нужно было сесть на велосипед, а любимый, не поместившийся в рюкзак зонт устроить под мышку, выставив его перед собой.

Наконец служанка торжественно открыла дверь, и что-то непонятное, что называлось Крисом, выкатилось из дома. Хоть ноша была изрядного веса, Крис справился с ней и заколесил в сторону Биг-Бена, где, по рассказам отца, можно с легкостью найти то, что недавно утратил. Несмотря на многочисленные неудобства, Крис мчался со скоростью разгоряченного паровоза, не обращая внимания на лондонцев, которым не было дела до этого чудака. Вскоре рыцарь резко остановился около знаменитой башни. Но отцовский метод не помог. Совсем выбившись из сил, наш герой решил заночевать на ближайшей скамеечке. Уснув, Крис наблюдал странный сон. Опрятное, аккуратное чудовище стоит в его любимом костюме, а манжеты его рубашки застегнуты на запонки. Как такое может быть? Кто это? Крис проснулся в холодном поту, и тут его осенило.

Когда Крис был еще совсем маленьким и не хотел есть дурацкую овсянку на завтрак, отец пугал его злым чудовищем, которое живет под кроватью. Монстра звали Сирк. А выглядел он как серый сморчок с тонкой кожей и четырьмя пальцами на правой руке. Тут Крис и осознал, что Сирк действительно существует. И живет он не где-то, а именно под его кроватью!!! И не кто иной, как Сирк носит не принадлежащие ему запонки. Тогда Крис вновь оседлал своего коня и помчался к себе домой. Он был разъярен, как дикий кабан, и зол, как голодный медведь. С грохотом и лязгом ворвавшись в дом, Крис, не снимая с себя поклажу, гордо встал перед кроватью и, откашлявшись, начал свою речь: «Достопочтенный сэра Сирк! Я, сэра Крис пришел уведомить вас о том, что догадался о ваших проделках и нарушениях порядка. В связи с этим искренне прошу вернуть не принадлежащие вам ценности в руки их законного владельца. То есть мои. И убедительно закликаю вас: никогда больше не воруйте, ибо это приносит некоторые неудобства в нашу и без того суетливую жизнь». Закончив монолог, Крис выставил правую ногу вперед и замер в ожидании ответа. Странно, но ответа почему-то не последовало. Тем временем служанка, которая оторопела от такого обращения в никуда, продолжила выметать пыль из-под кровати. И при очередном взмахе метлы на коврике неожиданно оказались две металлических запонки, которые Крис так долго не мог найти. Наклоняясь, Крис пробормотал: «Все-таки услышал»...

Владимир Ломаев

Суровая, правда жизни Исаака Ньютона или как он

написал свои законы

Из записок Монга

Итак, начну с биографии Ньютона, точнее Ньютонов. Эти молодцы чем-то понравились науке физике, и она стала давать им силу. Из этого я делаю вывод, что у ньютонов было около ста IQ, но так как им помогала сила физики, они были гениями.

Почему Ньютоны, спросите вы меня? Вот моя логика. Допустим, что Ньютон всю жизнь имел массу восемьдесят кг, а, как известно, десять кг это сто Ньютонов. Значит, на каждые десять кг его веса приходилось сто Ньютонов, значит, у Исаака было восемьсот братьев. А ведь нам известно, что на одного Ньютона действует одна единица физической силы.

Так все восемьсот и один спокойно жили, пока не нашёлся один самый умный Ньютон, который догадался посадить всех своих братьев в подвал и собирать с них умные мысли. Так с помощью братьев и физики он писал законы.

В своей деревне умный Ньютон прославился гениальностью, и тогда старейшина деревни послал его в Лондон в физико-математический институт на факультет физики. Там Ньютон и выплеснул все свои накопившиеся открытия и законы. Учёные сумели понять лишь одну сотую его идей и сказали, что он так всю науку сведёт далеко и надолго, и выгнали его из университета.

А откуда умный Ньютон брал идеи для своих законов, спросите вы? На самом деле всё просто. С помощью физики Ньютон черпал идеи из совершенно нелепых ситуаций. Ну, к примеру. Однажды умный Ньютон зашёл в свой дом, а дом был старый, и его давно никто не ремонтировал. Неожиданно пол провалился, но в подвале сидели братья, которые быстро подняли его. Из этого Ньютон сделал вывод: с какой силой тело действует на другое тело, с такой же силой другое тело действует на это тело, а также решил, что это нормальная реакция опоры.

Сейчас я попробую разъяснить вам, почему Ньютоны решили, что если тело тормозит, то ускорение направлено в противоположную скорости сторону.

Однажды умный Ньютон упал со шпилья церкви, и пока он летел, у него ноги сломались в обратную сторону (из-за плохого телосложения, конечно) и стали ускоряться вверх (то есть потихоньку отрываться), то

есть в противоположную скорости сторону. А из-за того, что у него были очень широкие штаны, он медленно опустился на землю. Об этом он рассказал братьям, и тогда они решили это красиво описать: если тело тормозит, то ускорение тела всегда будет направлено в сторону противоположную скорости тела.

Кстати, каким образом умный Ньютон оказался на шпилье церкви? Дело было так. После того как умного Ньютона выгнали из университета, он решил пойти в духовную семинарию. На одном из уроков настоятель спросил его: "Какова божественная сила, сын мой?". Ньютон ответил: "Божественное ускорение на божественную массу, настоятель". От этого ответа настоятель пришёл в ужас и приказал сбросить его со шпилья.

Ещё я могу рассказать, каким образом Ньютон сочинил свой первый закон. В один ужасный день у умного Ньютона умер очень-очень-очень добрый брат. Ньютону было его так жалко и было так жалко бесценную силу физики, что он похоронил его. Брат воскрес. Он воскрес очень заумным образом, который произошёл случайно. Тело брата покоилось, находилось в состоянии покоя. Из-за недостатка средств гроб сделали плохим, и он очень быстро сгнил и сломался. Тогда на тело подействовали скомпенсированные земные тела. Так как тело уже находилось в состоянии покоя, ему оставалось только находиться в состоянии равномерного прямолинейного движения. Из этого происшествия Ньютоны извлекли главную мысль и написали первый закон: если на тело не действуют другие какие-либо тела или их действие скомпенсировано, то тело будет находиться в состоянии равномерного прямолинейного движения, частным случаем которого является покой. Из этого случая я делаю вывод, что у умного Ньютона было 799 живых братьев и один брат покойник, который находился в состоянии равномерного прямолинейного движения.

На протяжении всей жизни Ньютоны что-то придумывали. Вот описание того, каким образом умный Ньютон узнал о силе притяжения земли. А насчёт яблока всё враньё.

Умный Ньютон всю жизнь болел мигренью, и у него часто бывали галлюцинации. Однажды он со своими братьями придумал реактивный ранец. Умный Ньютон взлетел, но у него заболела голова. В этот момент ранец забарахлил и заглох. Вдруг из земли вылетели две руки, схватили его и очень быстро потянули к земле. Ньютон владел очень хорошим зрением и сумел прочитать на руках М и ЖО. Пока он летел, его мама родила 200 братьев, и масса Ньютона увеличилась на двадцать кг, но как только Ньютон коснулся земли, братья умерли, и он стал легче. К великому счастью Ньютона, он упал на пол в своем доме. Нормальная реакция опоры и сила физики не дали погибнуть

умному Ньютону. После этого инцидента Ньютон с братьями написал новый закон о силе тяжести, то есть о силе притяжения земли. Руки из земли были этой силой, а название "сила тяжести" произошло оттого, что во время ускорения g Ньютон стал весить 1000 Ньютонов, то есть 100 кг. А обозначениями этой силы стали буквы, которые были написаны на руках, – М и ЖО. Из этого Ньютоны сделали вывод, что во время ускорения g масса тела увеличивается, а пропорционально силе тяжести нормальная реакция опоры равна по модулю, если нет других сил.

А что такое ускорение g , спросите вы? Ускорение g – это свободное падение. Раньше Ньютона всегда сбрасывали, но однажды он решил, что он свободный человек и решил спрыгнуть сам. Пока он летел, он почувствовал себя свободным человеком, и стал равномерно ускоряться. А в тот день праздновали день Генриха восьмого. А дальше опять родной дом, опять нормальная реакция опоры и так далее. После такого полёта Ньютон назвал свободное падение свободным падением и добавил, что это ускорение g .

Под конец своей жизни Ньютон исчерпал все свои идеи и стал весить 100 грамм. Я сделал такой вывод из рассказа одного физика. Он говорил, что 10 кг картошки весит 100 Ньютонов, значит, один Ньютон весит 100 грамм.

Ньютоны оказались в состоянии покоя в один день, в одну секунду. Они были хорошими людьми и принесли в этот мир много идей, но мало кто сумел их понять.

Даниил Зимин

Рассказ

Пришел. Я стою у главных ворот. У ворот за которыми меня ждут извилистые тропинки, темные аллеи, открытые луга знакомые памятники, башни, мосты, охотничьи дворики, дворцы, фонтаны и деревья, деревья, деревья....

Мощные дубы и хрупкие тополя, угрюмые тисы и радужные рябины, огромные сосны и карликовые деревья.

Все это, вперемешку с белками, кроликами и мелкими пичужками, пронзило парадными фасадами и шпилями воздух, размесило корнями землю, протоптало звериные тропинки, накинulo пелену таинственности, подняло знамя свободы, и только после этого открыло свои ворота. У этих ворот и стоял я. Для меня сейчас существовали только эти ворота и все, что за ними. Вру. Для меня существовал еще клочок бумаги с адресом, зажатый у меня в руке. А больше... А больше ничего.

У меня как в анекдоте: когда мужик поймал золотую рыбку, не знает, какое желание загадать, и говорит: «Ну... Хочу, чтоб у меня ВСЕ было.» рыбка: «Нет проблем. У тебя все БЫЛО!»

Так вот – у меня ВСЕ БЫЛО. Чего хочет безмозглый обыватель? Деньги, власть? Это у меня было. Чего хочет наивный романтик? Любимую, звездное небо, луну? Это у меня было. Перечислите все, что угодно, от друзей и до поездки в Китай...

Говорят, жизнь – полосатый матрас... А у меня был белый матрас и была не черная полоса а одна черная нитка, которая смогла разрушить ВСЕ.

Парк, это то место, которое я знаю настолько, чтобы чувствовать себя дома, и при этом оставалось ощущение, что передо мной целый неизвестный мне мир. К примеру, я не знаю, что находится дальше вон той башни, хотя туда ведут довольно ухоженные тропинки. А этот пруд с его лебедями мне знаком до боли. А вот у той погнутой березы я простоял всю грозу, от начала и до конца, лишь потому, что не хотел никуда идти, мне не хотелось тогда ничего. Мне тогда было плевать на все. Я даже не помню, из-за чего у меня началась эта депрессия, да и странно было бы, если бы помнил.

Сейчас ощущение, что я стар, очень стар. Даже не стар, а умираю. И никакой депрессии, даже очень хочется жить. Но у меня есть два стакана с совершенно прозрачными и бесцветными жидкостями. Стаканы различаются только тем, что в одном из них напиток жизни, способный излечить, а в другом не яд, а просто вода, которая ничего не

сможет изменить. Довольно банальный выбор – все или ничего. У меня немного менее банальный – все будет так, или есть шанс? Но хорошо говорить «банальный», когда над тобой не занесена коса.

Я – это весь мир. Почти все на этой планете сводят весь мир к себе, может, неосознанно, но считают себя тем, для чего этот мир существует. И это неплохо, от этого жизнь имеет смысл. А потом ты осознаешь, что ты это лишь часть, которая такая же часть, как и любой другой человек, любое другое существо, и даже не существо, а что угодно. Все до чего может дойти мозг человека – это части, части этого мира. И что бы с тобой ни случилось, большинству частей будет наплевать на тебя. Ты почти никому не нужен, кроме ничтожно малой группы частей.

Есть те, кто говорит, что это не так. Одни из них говорят, что у нас общая цель, другие, что все мы нужны друг другу. Третьи скажут, что мы просто должны быть благодарны тому величию, которое нам не постичь, но которому мы безразличны.

А я не из них - я неверующий. Мне говорили о Боге, а я его не увидел. Я его не услышал и не почувствовал вовсе. Я не согласился с ними, я не признал Бога.

Но может быть, я не прав.

Добрел, вот и Серый обелиск, за ним начинается речка, ее имя я не знаю до сих пор, но она это нечто безумно мне родное. Она течет всю мою жизнь, она текла до моего рожденья, и она будет течь после моей смерти. Она протекает сквозь меня, смывая все старое и прибывая к моим берегам нечто новое. Я влюблен в нее.

Берег. Песок необыкновенно мягкий. Как давно я не ходил босиком по песку. Когда я впервые здесь искупался? А последний раз я здесь купался в прошлом году. Тогда весь день стояло солнце...

Вода холодная. Интересно, есть ли людям дело до того, что человек купается ранней весной в одежде? А задумываются ли они о том, что могло привести сюда его и что он будет делать дальше?

Он выйдет из воды точно не сухим.

Я вышел, но что делать дальше?

Когда у человека нет выбора, а есть только одна дорога, то он не сомневается в своем решении, просто идет, куда ему можно.

Чаще - перед глазами развилка, еще чаще перекресток, обычно вообще нет никакой колеи, просто надо выбрать поворот на несколько градусов.

У меня есть выбор, причем самый определенный.

Нет шанса просто так начать все сначала. Завести новых друзей, новую жизнь, взять ссуду в банке... Все это ерунда, один я все равно это не смогу.

Есть человек, я его давно вычеркнул из моей жизни, когда вычеркнул Бога и религию. Он заново родился для меня, лишь когда я потерял все. Теперь он сможет мне помочь, если простит меня, забудет тот день, когда я бросил и его, и Бога. Тогда он признает меня как верующего, поможет мне, и снова будет солнечно.

Проблема в том, что я не верю в Бога. Да, есть намеки, подсказки, мысли... Но я не верю.

А вон там за холмами парк потихоньку становится лесом, где человек – это точно не великий господин всего и вся, а лишь подчиняющийся общему правилу. Там место тех, кто забыл всех, но весь этот мир для них – единое целое, которое может вылиться через горные вершины, просторные степи, леса, наполненные тенью...

Туда вторая дорога.

Это второй стакан.

Я могу выпить один из них, но я не знаю, какой принесет мне счастье, а какой оставит меня умирать.

Второй стакан поднесен к носу, жидкость пахнет елью и снегом. Я слышу крик орла, топот беличьих лапок, рычание неизвестных зверей, шум ветра...

Нет. Не пить.

Я могу не выдержать, могу устать от одиночества, мне может не хватить сил.

Нет времени.

Весь ужас в самом банальном законе этого мира, каких множество. Все нужно решить только из-за простейшего факта. Парк закрывают на ночь.

Помню, кто-то мне сказал: «Коли нитка о двух концах, бери за середину».

Жидкости смешались. Вода и эликсир жизни смешались, теперь они единое целое.

Я глотнул.

Вниз по склону. Ветер в лицо. Стакан пустой, он сброшен на пол. Теперь я с ТОБОЙ. Слышишь, я бегу к ТЕБЕ.

Мой голос разнесся по всей поляне. Мое слово теперь в воздухе.

Где-то раздался выстрел. Кто-то умер.

Это не я.

Я ЖИВ.

Антон Пшенов

Непростые чувства

Обычный эдинбургский вечер. Я ввалился в свою квартиру усталый до изнеможения. Даже не знаю от чего. Может, из-за загадочного предчувствия, появившегося еще с утра, и, как ни странно, до сих пор не угасшего? Не знаю.

О, как я люблю этот густой томатный сок – единственное, что соблазнило меня в холодильнике. Я разогрел его – ненавижу холодный – и со стаканом отправился в спальню. Упав на кровать, я почувствовал, как кровь притекает к ногам, рукам, голове. Боль возникла также внезапно, как и сон, получивший меня в свое распоряжение прямо в одежде: брюках, клетчатой рубашке рода Мак Сильверов и галстук. Пиджак я оставил вместе с пальто в прихожей.

Сновидения были странны и непонятны. Я видел, как иду по зеркальной пещере и каждое из великого множества отражений немного, да отличается от другого и меня самого. Какое-то идет медленно, сжавшись от страха и постоянно отскакивая назад, другой я шел вперед уверенно и не страшась грядущего, третье мое отражение то и дело заглядывало в невидимые мне ответвления, ища выхода там и явно не желая идти по основному туннелю. На моих бесчисленных лицах виднелась вся палитра чувств, от отчаянья и ненависти к себе до надежды на лучший исход и желания всем помочь. Вдруг я куда-то исчез, и на моем месте появилась летучая мышь. Она билась о стены, и только осколки зеркал разлетались по всей пещере. И тут я понял, что эта мышь и есть я. Я видел ее глазами, я не хотел идти по туннелю и поэтому бил зеркала. Не понятно откуда взявшийся томатный сок, залил весь пол. Вторым моим открытием было, что капает он с меня, и совсем это не томатный сок, а...

Тут я проснулся от резкой боли в шее. Что-то напоминающее человеческую фигуру выпрыгнуло в окно и растворилось. Я провел по шее рукой, и нащупал два маленьких углубления и что-то мокрое. Вся моя рука была в крови. Я истекал кровью, я терял ее капля за каплей, но не чувствовал, что умираю. Я чувствовал прилив сил, причем чаша, в которую их долили, оказалась заметно больше той, что была еще вечером. Забавное ощущение всемогущества овладело мной, и я понял, что я уже не простой смертный. Оглянувшись, я увидел галстук, аккуратно сложенный на подушке. Две верхние пуговицы были

расстегнуты, и она чудом не пострадала. Зато наволочка была монотонного, кроваво-красного цвета. Что ж, довольно оригинально.

Я встал, подошел к зеркалу и увидел ужасные перемены в себе: кожа побелела, верхние клыки вытянулись так, что заходили за ряд нижних зубов, а вокруг ранок, находящихся слева и почему-то почерневших, красовалась какая-то спираль, которая периодически вихляет.

И почему я не читал этих сказок – хотя сказок ли? – про вампиров. Нет, ну конечно, всем известно, что вампиры пьют кровь, как-то связаны с летучими мышами и боятся света. Да уж, сразу всплывает картинка Дракулы с обложки, а я ведь даже ни разу не открыл эту книжицу. Весь белый, в черном плаще с красной подкладкой и высоким воротником, рубашка с рюшечками на рукавах и вокруг пуговиц. А клыки аж наружу торчат. Там случайно нигде в книжках не рассказывается об этой руне? А инструкции по применению жертв там случайно нету? Ведь наверняка все вампиры всё знают, а меня, как обычно, не посвятили!!!

На восходе я зашторил окна, решив не экспериментировать с солнечным светом. Полумрак, царивший в квартире, отныне был мне по душе. Сразу захотелось убрать яркие вещи, выставленные когда-то на видные места для подъема настроения. Теперь яркость его только портила. Небольшая квартирка в черных и серых тонах стала моей мечтой. Мне даже рубашку захотелось надеть не родовую, в ярко-зеленую с белым клетку, а черную. Хорошо хоть клыки с рассветом втянулись, белизну кожи еще можно как-нибудь объяснить. Я надел перчатки, любимое пальто со шляпой, и то и другое черное, пускай немного старомодно, но мне все же нравится. Когда я вышел на улицу, мне тут же вспомнились дурацкие американские мультики, где Тому вместо бегущего Джерри видятся жареные курицы, плывущие по воздуху. Так же и со мной – лишь артерии и вены проходили мимо. И когда я успел так хорошо выучить анатомию?!

Преодолевая соблазн, я дошел-таки до работы. Меня остановил сторож; конторка у нас небольшая, и все знали друг друга в лицо, при входе постоянно проверяли имя, фамилию и числишься ли ты в штате.

– Имя, фамилия? Сам знаешь, иначе никак.

– Энтони Мак Сильвер.

– Та-ак, – пробубнил Джимми, ведя пальцем по списку. – Еще не уволили. А чего ты такой бледный-то?

– Я вампир! – сказал я, нависая над ним.

– А-а-а! Страшно, страшно! – улыбнулся охранник. Он, как я и рассчитывал, не поверил в суровую правду жизни. – Мне казалось, что ты не решишь во все это дело.

Я лишь пожал плечами, но внутри я весь кипел. О да, мне ужасно хотелось не верить происходящему. Но такова суть бытия, жизнь – перевертыш, и то, во что ты веришь, твои надежды и стремления постоянно проваливаются, а тому, что творится в мире, совсем не хочется верить. К сожалению, жизнь – не детская сказка с хорошим концом, в котором побеждает добро. Это, конечно, не означает, что ты – это добро, которое боги этой не по-детски жестокой сказки принижают и стараются уничтожить. Вампир, пускай и борющийся со своими инстинктами, остается угрозой. Я зло, которое нужно искоренить, устранить меня необходимо, для того чтобы хотя бы немного отсрочить апокалипсис этого несчастного, приговоренного к смерти еще до его создания мира. Но я не хочу умирать молодым! 21 год – смешная цифра! И потом – мне страшно, я не смогу вонзить в себя нож. Ну почему эта тяжелая роль досталась именно мне?

Я отправился напрямик в кабинет директора, и, уже выходя из него, засунул отпускные в бумажник. Когда я прошел мимо Джимми, он удивился, но лишь молча сделал запись в своем журнальчике.

Придя домой, я первым делом свалил все яркие вещи в одну большую кучу. Хрупкие в коробках, мягкие так, они лежали словно костер, словно груды янтаря, но эти вещи были мне мерзки, и я поспешил накрыть их темным бордовым покрывалом. Эта гора в полумраке зашторенных окон казалась черной и нравилась мне гораздо больше, чем все по отдельности.

Я любовался очертаниями горы и вдруг тишину сотряс телефонный звонок. Мой небольшой друг несоразмерно громким голосом сообщал мне, что кто-то хочет со мной поговорить с помощью его пластмассовых губ. Я подошел к тумбочке и плюхнулся на кровать. Разговор обещал быть долгим – звонила Сьюзен. Мы с ней встречались уже целый год, и она какого-то дьявола знала все, что я делал вчера, а иногда и сегодня. Вот и сейчас, наверняка, уже узнала, что я в отпуске, и будет уговаривать меня поехать вместе на какой-нибудь курорт, а там загорать и купаться, купаться и загорать. Еще вчера я с удовольствием согласился бы, но теперь...

Все было как я и ожидал: Сьюзен долго уговаривала провести несколько дней за городом, вдвоем, в моем отказе заподозрила, что я встречаюсь с другой девушкой, но в конце концов мы договорились поужинать завтра вместе, в ресторане. Под словом "ресторан" подразумевался конкретный ресторан "In mountains", в котором мы познакомились. Если мы говорили не о нем, то употребляли "другой ресторан". "In mountains" был нашим другом, он был живым и совсем не таким, как другие кафе, бары, пабы и тому подобные заведения. Он специально нас свел, как друг знакомит своих еще незнакомых друг с

другом друзей, одновременно звал нас в гости, когда мы ссорились, снова и снова нас мирил, не забывая при этом угощать всякими вкусностями. Одним словом, он был человеком, пускай со странными привычками, способностями, с необычным лицом и мнением по поводу происходящего, но все же он был человеком. На то он и индивидуум, чтобы быть не таким, как все.

Я решительно не знал, что буду делать до завтрашнего вечера. Есть мне не хотелось, я только сейчас осознал, что даже не позавтракал с утра. А жаль. Так можно было бы приготовить что-нибудь очень вкусное и очень долго готовящееся. Но я решил заняться новым интерьером. Я отправился в магазин, и вскоре целая гора свечей аккуратно стояла передо мной в пакетах. Толстых и тонких, высоких и низких, цилиндрических и пирамидальных, в подсвечниках и без. Пришлось вызвать такси, чтобы все это дотащить до дома. Заодно я зашел в театральный магазин и купил там грим.

Да уж, не квартира, а средневековый замок какой-то. Свечи были везде, они свисали со стен, как факелы, стояли на столах и тумбочках, украшали "яркую гору", придавая ей еще более зловещий вид.

– Здравствуйте, мессир, – раздался голос за моей спиной. Обернувшись, я увидел высокого, совершенно мне незнакомого человека с темными волосами. Он был сильно старше меня.

– Кто вы? Как вы сюда попали? Зачем вы сюда пришли? – выпалил я дрожащим с перепугу голосом.

– У вас, мессир, наверняка возникли вопросы по поводу вашего теперешнего бытия, так вот я прибыл, чтобы их не осталось, – сказал незнакомец, улыбнувшись так, что первые два вопроса отпали – он был вампиром.

– Ладно! Зачем вы сделали меня таким? – начал возмущаться я, вымещая всю свою злобу на бедном учителе, но в глубине души радуясь, что наконец получу ответы на так долго мучившие меня вопросы. – Кто просил наделять меня таким могуществом?

– Вы еще не подозреваете каким.

– ...совершенно не нужным мне... – все повышая и повышая тон, я уже почти кричал.

– Мессир... – немного робко, но вполне спокойно попытался вмешаться вампир.

– Я еще не закончил!!!

– Мессир, если вы не успокоитесь, я буду вынужден принять меры...

– Да принимай ты уже свои меры, убивай поскорее и дело с концом!

– Принять меры, мессир, это не смертельно, но очень больно, – сказал старец подходя ко мне. Он достал какую-то дрянь из кармана брюк и дотронулся притупленным кончиком до внешнего кольца спирали на моей шее.

Ужасная боль, словно клещами, сжала мою голову. Хотя лезвие было абсолютно тупым, оно, как нож в масло, входило в мою шею. Он вынул эту штуку из моей шеи, и я упал в кресло. Вампир подошел ко мне и тоном, каким маленькому ребенку объясняют, что такое хорошо, а что такое плохо, заговорил:

– Мессир, это кровосос, – указывая на маленький декоративный кинжалчик из хрусталя. Что-то красное, словно туманом, стелилось в рукоятке. – Он выдан нашему клану как привилегия и знак полного доверия. Называйте меня Слэйвом. Я принадлежу к клану Мирмидионов, клану слуг. Меня прислала ваша сестра...

– Пстой, во-первых, сядь, – прервал я его, указывая на стул. – Во-вторых, у меня нет сестры.

– Спасибо, мессир. Сестра у вас есть, и, между прочим, не одна, только не родная, а кровная, сестра по клану. Она хотела сама провести для вас курс обучения...

– Извини, но я снова вынужден тебя прервать. Кто же эта моя сестра?

– Миледи Сьюзен, мессир.

Я был шокирован, Слэйв, заметив это, развеял даже малейшее сомнение:

– Не говорите только, что не знаете ее! – И действительно, сопоставив факты, я понял, что она как раз и есть самый правильный вампир.

ПЕРЕВОДЫ

Э П И Т А Ф И И

AUNT ELIZA

In the drinking well,
Which the plumber built her,
Aunt Eliza fell –
We must buy a filter.

ТЁТКА ЛИЗА

В колодец большой
Посреди Непала
Вниз головой
Тётка Лиза упала.

(перевод **Дмитрия Кузнецова**)

Here lies a cannibal who, now and then,
Forgetting the advice of his physician,
Absorbed the deadliest poison known to men,
And died of politician.

Здесь лежит каннибал, про него говорят:
Советы врача презрев,
Принял он самый смертельный яд,
И умер, политика съев.

(перевод **Виктора Мулишова**)

ЛИМЕРИКИ Э. ЛИРА

There was an Old Man with a beard,
Who said, "It is just as I feared! –
Two Owls and a Hen, four Larks and a Wren,
Have all built their nests in my beard!"

Говорил морячок с бородой:
«Вот чего я боялся, Бог мой! –
Две гагары, баклан, альбатрос и тукан
В бороде свили гнёзда седой!»

(перевод **Ивана Гладибороды**)

There was an Old Man of Nepaul,
From his horse had a terrible fall;
But, though split quite in two, by some very strong glue,
They mended that Man of Nepaul.

Старичок в королевстве Непал
Неудачно с лошадки упал.
Раскололся на части, но был склеен на счастье,
Вновь оживший старик из Непала.

(перевод **Виктора Мулишова**)

There was an Old Man of Peru,
Who watched his wife making a stew;
But once by mistake in a stove she did bake
That unfortunate Man of Peru.

Был один старец в Перу –

Он любил есть рагу поутру.
Но однажды жена запекла шалуна,
Странного старца в Перу.

(перевод **Николая Доценко**)

Странноватый старик из ЮАР
Всё смотрел, как печётся омар.
Но однажды был он, как омар, запечён,
Неудачник–старик из ЮАР.

(перевод **Виктора Федотова**)

There was an Old Man of Cape Horn,
Who wished he had never been born;
So he sat on a chair, till he died of despair,
That dolorous Man of Cape Horn.

Жил один старичок с мыса Горн.
Он мечтал, чтоб рождён не был он.
Потому он, забравшись на стул,
Вечным сном поскорее уснул,
Тот печальный старик с мыса Горн.

(перевод **Дмитрия Кузнецова**)

There was an Old Person of Spain,
Who hated all trouble and pain;
So he sat on a chair, with his feet in the air,
That umbrageous Old Person of Spain.

Жил один старец в Испании –
Ненавидел он боль и страдания.
Всё стоял на диване на руках вверх ногами,
Подозрительный старец в Испании.

(перевод **Николая Доценко**)

GEORGE BERNARD SHAW

PYGMALION
АКТ III

.....

MRS HIGGINS. Will it rain, do you think?

ELIZA. The shallow depression in the west of these islands is likely to move slowly in an easterly direction. There are no indications of any great change in the barometrical situation.

FREDDY. Killing!

MRS EYNSFORD HILL. I'm sure I hope it won't get cold. There's so much influenza about. It runs right through our whole family regularly every spring.

ELIZA. (darkly) My aunt died of influenza: so they said.

MRS EYNSFORD HILL. (clicks her tongue sympathetically)!!!

ELIZA (in the same tragic tone) But it's my belief they done the old woman in.

MRS HIGGINS (puzzled) Done her in?

ELIZA. Y-e-e-es, Lord love you! Why should she die of influenza? She come through diphtheria right enough the year before. I saw her with my own eyes. Fairly blue with it, she was. They all thought she was dead; but my father he kept ladling gin down her throat till she came to so sudden that she bit the bowl off the spoon.

MRS EYNSFORD HILL (startled) Dear me!

ELIZA. What call would a woman with that strength in her have to die of influenza? What become of her new straw hat that should have come to me? Somebody pinched in; and what I say is, them as pinched it done her in.

ДЖОРДЖ БЕРНАРД ШОУ

ПИГМАЛИОН

АКТ III

МИССИС ХИГГИНС. Как Вы думаете, будет ли дождь?

ЭЛИЗА. Небольшая облачность на западе островов вполне может двинуться в восточном направлении. Нет ничего, что могло бы существенно повлиять на стрелку барометра.

ФРЕДДИ. Уморительно!

МИССИС ЭЙНСФОРД ХИЛЛ. Я надеюсь, что похолодания не будет. Вокруг так много случаев инфлюэнцы! Каждую весну вся наша семья переболевает ею.

ЭЛИЗА (*мрачно*). Моя тётка умерла от инфлюэнцы. Так сказали.

Миссис Эйнсфорд Хилл (сочувственно цокает языком)

ЭЛИЗА (*всё с той же мрачностью*). Но я так думаю, что старушку кокнули.

МИССИС ХИГГИНС (*в замешательстве*). Кокнули?

ЭЛИЗА. Да-а-а, храни нас Господь! С какого перепугу ей умирать от инфлюэнцы? Она перенесла дифтерию ровно за год до смерти. Я видела это своими собственными глазами. Она была совсем синюшая. Все думали, она умерла, но мой отец вливал и вливал джин ей в глотку, пока она вдруг не очнулась и не откусила кусок ложки.

МИССИС ЭЙНСФОРД ХИЛЛ (*поражена*). Mamочки мои!

ЭЛИЗА. Как такая сильная женщина могла умереть от инфлюэнцы? И где тогда её соломенная шляпка, которая должна была перейти ко мне? Кто-то стырил её, и тот, кто стырил, тот и кокнул старушку!

LEWIS CARROLL

ALICE IN WONDERLAND

THE POOL OF TEARS

«Curiouser and curiouser!» cried Alice (she was so much surprised that for the moment she quite forgot how to speak good English). “Now I’m opening out like the largest telescope that ever was! Good-bye, feet!” (for when she looked down at her feet, they seemed to be almost out of sight, they were getting so far off). “Oh, my poor little feet, I wonder who will put on your shoes and stockings for you now, dears? I’m sure I shan’t be able! I shall be a great deal too far off to trouble myself about you: you must manage the best way you can, but I must be kind to them,” thought Alice, “or perhaps they won’t walk the way I want to go! Let me see. I’ll give them a new pair of boots every Christmas”.

And she went on planning to herself how she would manage it. “They must go by the carrier,” she thought; “and how funny it’ll seem, sending presents to one’s own feet! And how odd the directions will look!

Alice’s Right Foot, Esq.
Hearthrug,
near the Fender,
(with Alice’s love).

Oh dear, what nonsense I’m talking!”

ЛЬЮИС КЭРОЛЛ

АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС

МОРЕ СЛЁЗ

«Страньше и страньше!», – вскричала Алиса (она была так удивлена, что забыла, как правильно говорить по-английски). – «Сейчас я раскладываюсь, как самый большой когда-либо существовавший телескоп! Прощайте, ножки! (потому что, когда она посмотрела вниз, ей показалось, что ноги скрылись из виду) Мои дорогие ноженьки, интересно, кто будет натягивать на вас туфельки и носочки, милые? Я уверена, что не смогу этого делать. Я буду слишком далеко, чтобы заботиться о вас – вам придется справляться самим, но я должна быть добра к вам.» – думала Алиса, – «или вы пойдете не туда, куда хочу я! Дайте подумать: я буду покупать вам новую обувь каждое Рождество».

И она начала планировать, как же устроит всё это.

«Обувь будет посылаться почтой», – думала она. – «Как это нелепо – посылать подарки собственной ноге! И как странно будет выглядеть адрес:

Госпоже Правой Ноге,
К коврику у камина,
С любовью,
Алиса.

Боже, что за чушь я мелю!»

Перевод **Евгения Кондрашина**